

А. М. Смирнов*

ЛЮБОВЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

Аннотация. В работе актуализируется такое негативное проявление чувства любви, как ее способность выступать детерминантой совершения общественно опасных деяний. Обосновывается, что любовь может выступать как самостоятельной причиной (мотивом) совершения подобных деяний, так и обуславливать их осуществление посредством вызываемых ею эмоций: ревности, сострадания, мести, аутоагрессивного состояния. В статье приводятся результаты авторского социологического исследования, доказывающие криминальную сущность любви. Понимая высокодуховную природу рассматриваемого чувства, законодатель предусматривает смягчение наказания за совершение данных преступлений по мотиву сострадания, а также в силу аморального поведения потерпевшего. В рамках рассматриваемой проблематики в статье поднимается проблема эвтаназии. Автор работы придерживается точки зрения о допустимости и целесообразности разрешения этой процедуры, приводя в качестве аргументации результаты социологических исследований, согласно которым общество поддерживает ее реализацию. В связи с этим высказывается мысль о необходимости нормативной регламентации эвтаназии в России. В результате проведенного исследования делается вывод, что преступления, мотивационной основой которых является чувство любви, называемые автором работы «преступления любви» (англ. *love crimes*) заслуживают признания в качестве объекта научного исследования, обладающего всеми признаками самостоятельного направления в развитии современной криминологической мысли. Любовь, несмотря на ее восприятие как в целом позитивное, жизнеутверждающее и социально одобряемое чувство, онтологически обладает и достаточно высоким криминальным потенциалом, детерминирующим различного рода преступные посягательства, обусловленные непреодолимым желанием причинить вред обидчику объекта данного чувства, обезопасить любимого (близкого, родного) человека от чего-либо либо стремлением повысить его качество жизни. К сожалению, работа по профилактике «преступлений любви» весьма затруднительна в силу сложностей подавления у человека чувств (например таких, как ревность, месть и т.п.), направленных на защиту и спасение своей любви (объекта любовных переживаний); того, что большинство людей предпочитает не пускать посторонних лиц, в том числе государство, в сферу разрешения своих межличностных интимных отношений.

Ключевые слова: преступность, любовь, преступления любви, детерминанты преступности, самосуд, сострадание, ревность, эвтаназия, самоубийство.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.132.11.133-138

Любовь занимает важное, главное место в жизни любого человека. С этической точки зрения она играет роль сближающего и жизнеутверждающего чувства, являясь осно-

вой самореализации личности, ее позитивного развития, в целом наполняя смыслом жизнь любого человеческого индивида. Поэтому, базируясь на философском учении о бытии, мож-

© Смирнов А. М., 2017

* Смирнов Александр Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний
vipnauka@list.ru
125131, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а

но с уверенностью говорить, что любовь для человека и общества в целом имеет аксиологическое значение.

Вместе с тем метафизика любви свидетельствует о том, что онтология данного чувства различна — ее проявления носят противоположный и противоречивый характер.

Анализ диалектики человеческих взаимоотношений, фундаментальной основой которых является любовь, позволяет говорить о том, что, несмотря на свою экзистенциальность, в отдельных жизненных ситуациях данное чувство достаточно часто становится источником неконтролируемой аффективной агрессии, катализатором биологических (животных) инстинктов или совершения необдуманных (безразличных по отношению к собственным правам и свободам) поступков, в итоге трансформируясь в причину совершения некоторых общественно опасных деяний.

Эти ситуации в основном связаны с защитой любимых (близких, значимых) людей от различного рода опасности, желанием обеспечить им лучшие условия жизнедеятельности (повысить уровень жизни) или же избавить их от каких-либо страданий.

Объясняется это тем, что человеческая природа такова, что она заставляет истинно влюбленного индивида рефлекторно защищать источник своих позитивных эмоций (радости, счастья, одухотворенности и т.д.) от каких-либо посягательств (негативного обращения, различного рода неудобств, вызывающих страдания), причем делать это любыми доступными способами.

Это свойство любви привело нас к мысли рассмотреть ее как детерминанту криминальной активности человека, положив начало исследованию новой, достаточно большой группы преступных посягательств, претендующей на самостоятельное направление развития криминологической мысли, которому мы дали название «преступления любви» (love crimes).

Результаты проведенных нами конкретных социологических опросов, направленных на выявление степени готовности человека совершить преступление по мотивам любви, указывают на высокую актуальность и значимость настоящего исследования.

Площадкой для проведения данных опросов были выбраны социальные сети Интернета. Респондентами выступили граждане различных возрастов из России, Белоруссии и Украины. В итоге данного пролонгирован-

ного научного исследования за период с 2014 по 2016 г. в опросах приняло участие около 1 300 респондентов. В настоящей статье изложены основные результаты этого исследования и выводы, которые следовали из них.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что в общем 40,9 % респондентов готовы совершить любое преступление ради своего любимого человека, 29,8 % не способны нарушить уголовный закон по мотиву любви и 29,3 % затруднились ответить. При этом мужчины в вопросе «криминального героизма», основанного на любовных переживаниях, лидируют — в своей гендерной группе доля потенциально готовых совершить преступление по мотивам любви составила 63,6 %, тогда как доля таких женщин — 27,8 %. Это указывает на неправильность сложившегося стереотипа, что женщины, в отличие от мужчин, под воздействием любовных переживаний менее способны контролировать свое сознание и волю.

Пожалуй, самым главным объектом любви для любого нормально развитого человека является его ребенок (дети). Как следствие, больше половины (58,1 %) из принявших участие в опросе респондентов указали, что они готовы совершить преступление ради своего ребенка, 23,1 % затруднились ответить на данный вопрос и только 18,8 % не готовы сделать это. Причем готовность у женщин совершить преступное посягательство ради своего ребенка более высока (59 %), чем у мужчин (56,4 %), что весьма очевидно, поскольку именно женщина дала ему жизнь, и эта жизнь для нее важнее всего на свете.

Любовь вызывает сострадание к своему источнику, желание избавить его от каких-либо мучений, неудобств или иных проблем, негативно отражающихся на его жизнедеятельности. Но это переживание не так сильно, как сама любовь, поэтому только чуть больше половины (52,1 %) опрошенных отметили, что они не готовы совершить преступление из-за сострадания к любимому (близкому) человеку, 26,6 % указали на свою потенциальную готовность сделать это и 21,4 % затруднились ответить. Интерес вызвало то обстоятельство, что криминальная активность у мужчин по данному мотиву в своей гендерной группе в два раза больше (39,9 %), чем у женщин (18,8 %), поскольку мужчины традиционно считаются менее милосердными натурами, чем женщины. Однако мотив сострадания является одним из

главных императивов альтруизма и совершенства подвигов, чего требуют от мужчин общественные стереотипы поведения.

Законодатель, понимая, что преступления, совершаемые по мотиву сострадания, обусловлены гуманными соображениями по отношению к своим жертвам, обозначил данный мотив в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ), что само по себе справедливо.

В рамках дискуссии по поводу совершения преступных посягательств по мотиву сострадания неизбежно возникает вопрос о проблеме эвтаназии в современной России и мире.

Согласно официальному определению под эвтаназией понимается ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента. В России она законодательно запрещена¹.

Данной практике лишения жизни неизлечимо больного или испытывающего невыносимые страдания человека посвящено большое количество научных работ. Вместе с тем отношение к ней в обществе до сих пор неоднозначно.

Большая часть ученых, занимающихся проблематикой эвтаназии, высказывает отрицательные точки зрения по поводу ее легализации в России², аргументируя ее «рафинированными» идеями гуманизма и религиозными догматами. Так, например, Е. П. Ищенко пишет, что «легализация эвтаназии в нашей стране повлечет за собой необратимую криминализацию действующей системы здравоохранения, умаление достоинства врача, извращение смысла его профессионального долга, еще большую социальную и духовно-нравственную деградацию личности и общества. Разрешение

эвтаназии — это надежный способ окончательного разрушения родственных чувств и связей»³.

Мы же, со своей стороны, положительно относимся к эвтаназии, ожидая ее скорейшего законодательного закрепления в России, и присоединяемся к тем философам и исследователям, которые пропагандировали ее и делают это сейчас. Например, Ф. Бэкон справедливо писал: «В том случае, когда уже нет совершенно никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самую смерть более легкой и спокойной, потому эта эвтаназия... уже сама по себе является немалым счастьем»⁴.

Отметим, что в риторике по поводу эвтаназии мы можем упражняться сколько угодно, очевидно только одно: «препятствия к легализации эвтаназии с позиций юридической сущности права на жизнь и его международно-правового закрепления отсутствуют», — отмечают В. Ю. Панченко и К. С. Шушпанов⁵.

В пользу легализации эвтаназии в России свидетельствуют результаты социологических исследований. Как показали данные опроса, проведенного среди граждан России независимым исследовательским центром РОМИР в апреле 2002 г., 20 % респондентов сказали, что эвтаназия неоправданна. Почти столько же опрошенных — 18,7 % — считают это оправданным всегда. Неоправданной в большинстве случаев эвтаназию считают 12,5 % граждан, а в большинстве случаев оправданной — 20,4 %. Затруднились с ответом 12,8 % россиян. Остальные опрошенные полагают, что в определенных случаях эвтаназия оправдана, а в определенных — нет⁶. Согласно результатам нашего исследования, больше половины (60,5 %) опрошенных респондентов положительно относятся к эвтаназии, 23,5 % — отрицательно и 16 % — равнодушно.

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Ст. 45 // Российская газета. 2011. 23 нояб.

² Кирилловых А. А. Эвтаназия: ограничение или реализация права на жизнь? // Медицинское право. 2012. № 4. С. 22—25; Князев Д. С. Эвтаназия и ее уголовно-правовая оценка // Российский следователь. 2009. № 16. С. 9—10.

³ Ищенко Е. П. Эвтаназия: за и против // Lex Russica. 2013. № 3. С. 320—330.

⁴ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. М., 1971. Т. 1.

⁵ Панченко В. Ю., Шушпанов К. С. Запрет эвтаназии: имманентный предел или ограничение права на жизнь? // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 66—74.

⁶ См. об этом: Алексанина Е. Эвтаназия и социологические исследования // Социально-экономическое положение России в новых геополитических и финансово-экономических условиях: реалии и перспективы развития : сб. науч. ст. СПб., 2014. С. 36—42.

В силу этого мы считаем необходимым проведение научных исследований, дающих объективную оценку реализации эвтанази в России, «очищенную» от религиозных предубеждений, политического конъюктуризма, различных «моральных паник» и т.д.

Любовь диалектически связана с таким чувством, как ревность, поскольку подозрение или уличение в измене (предательстве в любви) в большинстве случаев детерминирует его. Ревнивый человек, особенно если данное чувство является аффективным, всегда «слеп» и не сдержан в проявлении своих негативных эмоций и поступков, которые в ситуации обострения этого чувства могут найти свою реализацию в совершении общественно опасных деяний против личности.

Так, например, 3,5 % из всех респондентов, принявших участие в нашем опросе, указали, что они могли бы даже и убить своего любимого человека из ревности; 18 % ответили, что лишать жизни своего любимого человека из ревности они не будут, но вот причинить ему физические и психические страдания постараются. При этом исследование показало, что мужчины в состоянии ревности более социально опасны, чем женщины. Если только 0,9 % женщин в своей гендерной группе готовы убить из ревности, то доля таких мужчин — 7,5 %. Женщины в подобных ситуациях более ориентированы причинять физические или психические страдания объектам своей любви (20,5 %), чем мужчины (14,3 %).

Ревность не возникает сама по себе. Она всегда обусловлена изменой, которая в этическом контексте является аморальным деянием. Российский законодатель учел это обстоятельство. Поэтому, если ревность не имеет юридического значения для квалификации преступления, мотивом совершения которого она стала, то по крайней мере наказание за это деяние может быть смягчено в силу аморального поведения потерпевшего (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Отсутствие взаимности в любви может стать причиной аутоагрессивного состояния, которое в особо обостренном состоянии может стать причиной самоубийства тех, кто этой взаимности очень сильно ожидает. Так, например, 3,7 % респондентов отметили, что они потенциально готовы совершить самоубийство по причине «безответной» любви, 7,2 % опрошенных ответили, что эта ситуация, вероятнее всего, вызовет у них суицидальные мысли.

Сознание влюбленного человека ориентировано принимать все возможные меры, чтобы улучшить жизнь или помочь в трудных жизненных ситуациях любимому человеку, в отдельных случаях даже несмотря на законодательные запреты уровня привлечения к уголовной ответственности. Так, например, 45,1 % опрошенных респондентов не скрыли, что они потенциально готовы дать взятку ради улучшения жизни (состояния) близкого или любимого человека.

Результаты исследования показали, что любовь в некоторых жизненных ситуациях становится причиной самосудов. Связано это с тем, что состояния аффекта, фрустрации, стресса и негодования, вызванные причинением существенного вреда любимым, близким или дорогим людям, особенно если это касается лишения их жизни или причинения тяжкого вреда здоровью, нивелируют сдерживающие императивы поведения и становятся причинами самосудных расправ над обидчиками. Распространенность самосудных расправ в любовных отношениях также обусловлена субъективностью и интимностью данных социально-духовных взаимодействий. Практически всегда самосуды над «разрушителями» любовных отношений вызывают вышеуказанное чувство ревности.

Следует отметить, что степень социальной реабилитации самосудов, совершенных по мотивам любви, чрезвычайно высока — 97 % респондентов указали, что они готовы оправдать человека, причиной самосудной расправы которого выступило рассматриваемое нами чувство.

Таким образом, результаты проведенного исследования, изложенные в настоящей статье, позволили сделать следующие выводы:

1. Преступления, мотивационной основой которых является чувство любви («преступления любви» (love crimes)), заслуживают признания в качестве объекта научного исследования, обладающего всеми признаками самостоятельного направления в развитии современной криминологической мысли.

2. Любовь, несмотря на ее восприятие как в целом позитивное, жизнеутверждающее и социально одобряемое чувство, онтологически обладает и достаточно высоким криминальным потенциалом, детерминирующим различного рода преступные посягательства, обусловленные непреодолимым желанием причинить вред обидчику объекта данного

чувства, обезопасить любимого (близкого, родного) человека от чего-либо или стремлением повысить его качество жизни.

3. Работа по профилактике «преступлений любви» весьма затруднительна в силу сложности подавления у человека чувств (например,

таких как ревность, месть и т.п.), направленных за защиту и спасение своей любви (объекта любовных переживаний); большинство людей предпочитают не допускать посторонних лиц, в том числе государство, в сферу разрешения своих межличностных интимных отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексанина Е. Эвтаназия и социологические исследования // Социально-экономическое положение России в новых геополитических и финансово-экономических условиях: реалии и перспективы развития : сб. науч. ст. — СПб. : Институт бизнеса и права, 2014. — С. 36—42.
2. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. — М., 1971. — Т. 1. — 578 с.
3. Ищенко Е. П. Эвтаназия: за и против // Lex Russica. — 2013. — № 3. — С. 320—330.
4. Кирилловых А. А. Эвтаназия: ограничение или реализация права на жизнь? // Медицинское право. — 2012. — № 4. — С. 22—25.
5. Князев Д. С. Эвтаназия и ее уголовно-правовая оценка // Российский следователь. — 2009. — № 16. — С. 9—10.
6. Панченко В. Ю., Шушпанов К. С. Запрет эвтаназии: имманентный предел или ограничение права на жизнь? // Российский юридический журнал. — 2013. — № 1. — С. 66—74.

Материал поступил в редакцию 6 апреля 2017 г.

LOVE AS A DETERMINER OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS

SMIRNOV Aleksandr Mikhailovich — PhD in Law, Associate Professor at the Research Institute of the Federal Enforcement Service
vipnauka@list.ru
125130, Russia, Moscow, Narvskaya Str., 1 "a", build. 1

Abstract. *The work mainstreams such a negative manifestation of love, as its ability to be a determiner of socially dangerous acts. It is justified that love can act as both an independent cause (motive) for the commitment of such acts, and determining this commitment through the induced emotions: jealousy, compassion, vengeance, autoaggressive state. The article presents the results of the author's sociological research proving the criminal essence of love. Realizing a highly spiritual nature of the feeling in question, a legislator provides for easing of punishment for such crimes committed on grounds of compassion, as well as by virtue of the immoral behaviour of the victim. In this perspective the article raises an issue of euthanasia. The author of the paper adheres to the opinion on admissibility and reasonability of the permission of this procedure, citing the results of sociological research according to which society supports its implementation. In this regard, the author dwells upon the need for normative regulation of euthanasia in Russia. The study concludes that crimes, based on the motive of love, called by the author "love crimes", deserve recognition as the object of scientific research, having all the characteristics of independent directions in the development of contemporary criminological thought. Love, despite its perception as generally positive, life-affirming and socially approved feeling, ontologically has sufficiently high criminal capability, determining different kinds of crimes, due to irresistible desire to cause harm to the abuser of the object of the feeling, to protect a loved one (close) person from something, or a desire to improve his quality of life. Unfortunately, the work on the prevention of "love crimes" is very difficult due to the complexity of suppressing various feelings in a person (such as jealousy, revenge, etc.) aimed at protection and rescue of this love (the object of amorous feelings). Most people prefer not to let outsiders into their life, including the State, within the scope of the permission of their interpersonal intimate relationships.*

Keywords: *crime, love, love crimes, determiners of crime, vigilante justice, compassion, jealousy, euthanasia, suicide.*

REFERENCES

1. *Aleksanina, E.* Euthanasia and Sociological Research // "Socio-Economic Situation in Russia in the New Geopolitical and Economic Conditions: Realities and Prospects of Development". Spb.: Business and Law Institute, 2014. P. 36-42.
2. *Bacon, F.* The Advancement and Proficiency of Learning Divine and Human // Essays. In 2 volumes. Vol. I. M., 1971. — 578 p.
3. *Ishchenko, E.P.* Euthanasia: Pros and Cons // Lex Russica. 2013. No. 3. P.320-330.
4. *Kirillovykh, A. A.* Euthanasia: Restriction or the Realization of the Right to Life? Medical Law. 2012. No. 4. P. 22—25.
5. *Knyazev, D. S.* Euthanasia and its Criminal Legal Evaluation // Russian Investigator. 2009. No. 16. P. 9-10.
6. *Panchenko V. Yu, Shushpanov, K. S.* Prohibition of Euthanasia: Immanent Limit or Restriction of the Right to Life? Russian Law Journal. 2013. No.1. P.66—74.